

УДК 398.224(=19)

А. К. Егиазарян

АРМЯНСКИЙ ЭПОС «ДАВИД САСУНСКИЙ» И РУССКИЕ БЫЛИНЫ. ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ

Имеет ли смысл сравнение эпосов? Они очень разные, подчас трудно найти общие черты, кроме того, что они имеют героическое содержание и устное происхождение. Героическое содержание очень по-разному воспринимается в разных эпосах, и скажем, героичность былин и якутских олонхо достаточно разные вещи. У каждого народа свои представления о героизме, о самих героях, о текстах, которые то поются, то рассказываются, то имеют определенный размер, то являются просто ритмичной прозой.

Но тут вступает в силу другая истина. Именно сравнительное изучение позволяет понять особенности национальных эпосов. В результате такого изучения национальные эпосы раскрывают все свое внутреннее богатство.

В предлагаемой статье сопоставляются армянский эпос «Давид Сасунский» и русские былины. Рассматриваются возникновение этих памятников, их композиции и структуры, типы героев и конфликтов, их взаимоотношения с письменностью, наконец, эпическое повествование в обоих эпосах.

Два великих памятника мирового эпического наследия, занявшие весьма значительное место в национальных культурах армянского и русского народов, по-своему преломляют в себе мировоззрения двух народов, особенности их культур.

Ключевые слова: эпос, миф, былины, Давид Сасунский, Илья Муромец, Добрыня Никитич, князь Владимир, Мсра Мелик, языческий эпос, Средневековье, композиция и структура эпоса, эпическое повествование, ритмическая проза, эпические повторы, постоянные эпитеты.

А. К. Eghiazaryan

The Armenian epos “David of Sassoun” and russian heroic epic ballades. Comparative study experience

Is it reasonable to compare two different epics? The epics vary greatly so it is difficult to find out any similarities between them except the fact that they have heroic content and oral origin. Even so heroic content may be accepted in different ways in various epics. The same we can say about heroism in Russian heroic epic ballades and Yakut olonkho. Each people have their own ideas of heroism, heroes and texts which can be performed or narrated; have a certain size or a rhythmic prose.

Another truism comes into effect at this point. Comparative study allows a better understanding of the peculiarities of the national epics. As a result of the study the national epics revealed their inner wealth.

The epos of “David of Sassoun” and Russian heroic epic ballades are compared in the article. The article considers an origin, composition, structure, types of heroes and conflicts of these epics. But the most important here is the way of their narration.

Two historic monuments of the world heritage preserve the worldviews and culture of two different nations in their own ways.

Keywords: epos, myth, heroic epic ballade, David of Sassoun, Ilya Muromets, Dobrynya Nikitich, Knyaz Vladimir, Msra Melik, ethnic epos, Middle ages, composition and structure of epos, epic narration, rhythmic prose, epic reduplications, constant reduplications.

ЕГИАЗАРЯН Азат Комунарович – д. филол. н., проф., зав. каф. армянского языка и литературы Русско-армянского университета, Ереван.

E-mail: azatyeghiazaryan@yahoo.com

EGHIAZARIAN Azat Komunarovich – Doctor of Philological Sciences, Professor, head of the Armenian Language and Literature chair, Russian-Armenian University, Yerevan.

E-mail: azatyeghiazaryan@yahoo.com

Введение

Сначала попробуем разобраться, имеет ли смысл сравнение эпосов. Они очень разные, подчас трудно найти общие черты, кроме того, что они имеют героическое содержание и устное происхождение. Героическое содержание очень по-разному воспринимается в разных эпосах, и, скажем, героичность былин и якутских олонхо достаточно разные вещи. У каждого народа свои представления о героизме, о самих героях, о текстах, которые то поются, то рассказываются, то имеют определенный размер, то являются просто ритмичной прозой.

Но тут вступает в силу другая истина. Именно сравнительное изучение позволяет понять особенности национальных эпосов. Впрочем, в свое время М. М. Бахтин написал замечательные слова, которые вскрывают самую суть сравнительного изучения культур, а значит и эпосов, которые воплощают основные черты этих культур: «Чужая культура только в глазах *другой* культуры раскрывает себя полнее и глубже (но не во всей полноте), потому что придут и другие культуры, которые увидят и поймут еще больше. Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и прикоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы *диалог*, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур. Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины. Без *своих* вопросов нельзя творчески понять ничего другого и чужого (но, конечно, вопросов серьезных, подлинных)» [1, с. 334-335; 2]. Именно такие сопоставления, взгляд одной культуры на другую открывают новые и новые стороны национальной культуры. Эта мысль вполне справедлива в применении и к эпосу.

Итак, армянский и русский эпосы. Что они из себя представляют в пересекающемся освещении.

Происхождение

Сначала рассмотрим комплекс вопросов, связанных с происхождением эпосов. Оба эпоса имеют средневековое происхождение. Но само слово «средневековое» в случае с каждым эпосом имеет разное значение. Русские исследователи связывают разные былины с разными периодами русской истории – с татарским игом, с нашествием литовцев [3]. Но в любом случае это – средневековье. В армянском эпосоведении нет единой точки зрения. М. Абегян в одном месте «Давида Сасунского» объявляет новым эпосом, чтобы отличить его от древнего, дохристианского (об этом эпосе – чуть позже), но тут же заявляет о древнем духе произведения, тем самым стирая отличия древнего и средневекового эпосов [4, с. 380]. Так или иначе, средневековое в армянском эпосе означает «второй», новый, в отличие от древнего, языческого.

Рис. 1. Эпизоды из «Давида Сасунского» (Художник А. К. Коджоян)

А в истории русского народного творчества былины и есть начало, «первый» эпос. Русское эпосоведение не знает целостного языческого эпоса. Есть былины с явственными чертами дохристианской культуры, но они не воспринимаются как нечто отличное от основного массива былин. Все это известно в российском и мировом эпосоведении как былины и как единый эпос, где былины группируются вокруг отдельных героев (Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Василий Буслаевич и т. д.). А в армянском сознании древний и новый эпосы занимают совершенно разные места. Древний остался на страницах книги Мовсеса Хоренаци «История Армении», его изучают специалисты, но народ его не знает, он вышел из устного бытования уже как минимум полутора тысяч лет назад. А все русские былины записаны из уст народных сказителей, то есть, они были живы до XIX-XX столетий. Так что проблема древнего армянского эпоса – отдельная большая проблема для армянского эпосоведения, которая должна быть учтена в полной мере при разговоре о возникновении «Давида Сасунского», особенно если иметь в виду, что связь между древним и новым эпосами несомненна.

Рис. 2. Богатыри (Художник В. М. Васнецов, 1898 г.)

Итак, вырисовывается первый пункт сопоставительного анализа – возникновение и состав двух эпосов. Русская эпическая традиция едина. Былины, при всем своем разнообразии, составляют некую целостность, которая возникла в средние века – в IX-XIII вв. [5, с. 59]. В них – отзвуки событий этих веков, но они, естественно, вобрали в себя много разных материалов предыдущих периодов русской жизни. В этом пункте армянский и русский эпосы близки. Армянский эпос «Давид Сасунский» возник (я предпочитаю термин «сформировался») почти в то же время – в VIII-XII вв.

Каковы его отношения с предыдущими эпическими памятниками? То, что какие-то элементы из древнего эпоса перешли в новый (какими путями – это другой вопрос), это неоспоримый факт. В первую очередь, я имею в виду легенду о проклятии отца и исчезновении королевича Артавазда в одной из пещер Арарата. Этот сюжет повторяется в «Давиде Сасунском» в четвертой ветви, в сюжете исчезновения Мгера Младшего в огромной скале в районе озера Ван, который и по сей день называется Мгери дур (Մհերի դուռ), то есть Дверь Мгера. Но вся атмосфера «Давида Сасунского» отражает средние века. Центральная ветвь, рассказывающая о самом любимом герое эпоса Давиде, пропитана воспоминаниями об антиарабской борьбе, которая разворачивалась в Армении в VII-IX вв. В любом случае, «Давид Сасунский» не может считаться продолжением (тем более прямым) древнего эпоса. Дыхание Средневековья там очевидно.

Но тут возникают другие сложности. Какое место занимает мифический элемент в обоих эпосах? Казалось бы, армянский «новый» эпос должен был быть менее мифическим, т. к. мифология достаточно сильно отразилась в древнем эпосе (насколько можно судить по отрывкам, дошедшим до нас). Это как раз было началом истории армянской государственности, народное

сознание было проникнуто мифологией. А средневековое сознание далеко отошло от языческих мифов, которые занимали сознание древних армян. И действительно, в «Давиде Сасунском» миф занимает далеко не такое главенствующее место. Но и в нем мифический субстрат достаточно значителен. Особенно в первой и последней частях («ветвях»). Это обстоятельство заставляет многих исследователей отвергать средневековое происхождение этого нового эпоса. Автор этих строк среди тех, кто настаивает на средневековом характере «Давида Сасунского», опираясь на свой анализ его художественных особенностей [6]. Но, так или иначе, роль мифологических элементов в армянском эпосе сильнее и принципиальнее, чем в былинах. В былинах есть такие, которые ближе к исторической реальности, и такие, в которых сильнее мифологические элементы, как, скажем, все былины, повествующие о сражениях героев с мифическими существами («Добрыня и змей», «Илья Муромец и Соловей-Разбойник» и т. д.). А вот в былинах типа «Илья Муромец и Владимир» вся обстановка достаточно реалистична (не мифологична). В книге В. Я. Проппа есть отдельная глава о былинах, где герои сражаются с чудовищами. Но миф не играет определяющей роли в этих былинах. Те же средневековые герои, которые как бы уничтожают, по мысли Проппа, миф («Эпос рождается из мифа не путем эволюции, а из отрицания его и всей его идеологии» [3, с. 35]). Пропп допускает, что был и древний русский эпос, по аналогии с другими народами, которые в древнейшие периоды своей истории создавали свои мифологические эпосы. Утверждение это спорное, исходящее из методологии Проппа, связывающее развитие эпоса с развитием государственности. Нам здесь интереснее то, что дошло до нас в виде былин. И в них мифологический элемент достаточно силен.

Теперь обратимся к «Давиду Сасунскому». Первый же беглый взгляд подтверждает, что миф, хотя и эпически преобразованный (это преобразование тоже достаточно интересная тема), играет существенную роль в армянском эпосе. Начнем с того, что само происхождение сасунской семьи героев глубоко мифологично. Родоначальник этой семьи – Санасар. Он и его брат Багдасар – сыновья Багдадского халифа («официально»). Эпос не всегда остается в рамках исторического предания, согласно которому еще в VII в. до н. э. сыновья ассирийского царя Синехериба убили своего отца и бежали в Армению. Эта история отражена и в Библии. Т. е. эти королевичи были реальные люди. А в армянском эпосе они мифические существа (не забудем – по происхождению); мать зачала их от двух горстей воды, когда купалась в озере. Оставляя в стороне дальнейшее эпическое развитие образов братьев, отметим, что в этой истории мы имеем разновидность мифа о непорочном зачатии, распространенном в мировом фольклоре. Значит, потомки Санасара, сасунские герои – Мгер Великий, Давид, Мгер Младший – имеют мифическое происхождение. Их связь с мифологической стихией время от времени подчеркивается. Вода всегда играет большую роль в их жизни. Вода придает им богатырскую силу, богатырские размеры, иногда вода снабжает их волшебным конем и оружием. В эпосе есть масса более мелких мифологических черт, которые, растворенные в общей эпической стихии, не всегда бросаются в глаза. Особенно в последней, четвертой ветви – «Мгер Младший», мифологический элемент сильно подчеркивается, Мгер Младший становится почти мифическим героем.

Неизбежно возникает вопрос – почему в двух эпических памятниках, связанных с одним и тем же периодом истории, миф занимает настолько разные места. И неизбежно возникает мысль о связи этих отличий с историей двух народов. К моменту возникновения своего эпоса армянский народ прошел длинный исторический путь – от VII-VI вв. до н. э. (первые государственные образования армян) до VII-XII вв. нашего летоисчисления и за это время накопил огромный запас мифологических сюжетов, которые затрагивали важнейшие стороны его мироощущения. Они не могли не отразиться и в древнем, и в новом эпосах. Это мы и видим в «Давиде Сасунском». Русский же народ моложе армянского почти на тысячелетие, и эта разница в «возрасте» означает только то, что у армян было больше времени для создания или перенятия мифов. Разница возрастов никак не связана с достоинствами или недостатками эпосов.

Но она тянет за собой некоторые другие особенности эпической традиции двух народов. Обратим внимание на то, что «Давид Сасунский» сформировался в такое время, которое, казалось бы, совсем не подходит для создания эпосов. VII-XII вв. – это время высокоразвитой письменной культуры армянского народа, когда были созданы многие широко известные памятники армянской письменности. И еще, к этому времени армянская государственность прошла несколько

этапов развития (возникновение, развитие и разрушение), и началось создание нового государства – государства Багратидов. Т. е. формирование нового эпоса никак нельзя связывать с началом государственности. А былины связаны именно с начальным этапом возникновения и развития национальной государственности. Сошлюсь на русских исследователей: «Развитие былинного жанра шло параллельно с процессом развития и укрепления русской государственности, в частности отражая изменения во взаимоотношениях князя и дружинника и перемены в отношениях народа и государственной власти. В первых былинах еще отразились следы военной демократии, когда положение воина-дружинника было менее зависимым от князя, чем в более поздние времена» [7, с. 350].

Впрочем, эта закономерность наблюдается во многих эпических традициях, часто возводится в ранг общего закона эпического творчества. Древний армянский эпос тоже возник в ранний период армянской государственности. Но вот «Давид Сасунский» не подпадает под эту закономерность. Здесь дело в своеобразии армянской истории, в перипетиях, взлетах и падениях длинного исторического пути. Видимо, подъем антиарабской борьбы и духовной жизни в VIII-XII вв. дал толчок новой волне эпического творчества. Это и породило «Давида Сасунского». У русских же история двигалась в более регулярном, «правильном» русле, что и определило более «спокойное» развитие эпического творчества в IX-XV вв.

Для более всестороннего обсуждения вопросов, связанных с возникновением и развитием армянского и русского эпосов, необходимо бросить взгляд на взаимоотношения эпосов и письменной культуры двух народов. Возникновение былин и русской письменности по времени почти совпадают. Русский народ принял христианство и славянскую письменность в X в. К этому же времени относят исследователи и появление первых целостных былинных памятников: былины возникли «как выражение исторического сознания русского народа в IX-XIII вв.» [5, с. 59]. Начало же древнерусской литературы датируется X в. Возможно, именно с этим обстоятельством связаны более гармонические отношения русского эпоса и древнерусской литературы. Русские исследователи показывают, что последние былинные тексты создавались в XVI в. А в XVII в. уже появляются первые пересказы былин в литературе. «Былина начала проникать в древнерусскую литературу. Начиная с XVII в., мы имеем рукописные повести, предметом которых служат подвиги богатырей. Из них наиболее излюбленными были повести об Илье и Соловье-разбойнике и о Михаиле Потыке. Такие произведения именовались «повесть», «гистория» или «сказание». Книжным языком того времени здесь повествовалось о тех героях и их подвигах, о которых народ пел. Эти «повести» предназначались, конечно, не для пения, а для чтения. Но эти «повести» – не «древнейшие записи былин», как думали многие ученые, это – именно «повести», отвечающие, как правило, вкусам и запросам грамотного населения растущих городов» [3, с. 31]. Записи же былин начинаются с конца XVIII в. Эти факты сами по себе, наверно, не содержат ничего из ряда вон выходящего. Нормальное движение национальной словесности. Но человеку, знакомому с историей армянского эпоса, это покажется весьма и весьма интересным. Очень трудно говорить о гармонических отношениях между армянской письменной литературой и армянским эпосом. Если мы согласны с той точкой зрения, что «Давид Сасунский» сформировался в VIII-IX вв., то не можем не удивиться, что армянская литература не обратила никакого внимания на зарождающийся эпос. Ведь в этот период она была достаточно развита, у нее был большой опыт общения с фольклором. Первые авторы – Бузанд, Хоренаци, авторы последующих веков – Ован Мамиконян, Товма Арцрунии и др. или записывали устные предания, или сочиняли под влиянием устных источников. А вот новый эпос никак не отразился в их текстах (речь не о косвенных контактах – это другой вопрос). Но литература заметно повлияла на эпос – там видны следы влияния Библии. Библейские сюжеты (двух братьев-близнецов, Давида и Голиафа и др.) по-своему, пройдя через народное восприятие, отразились в эпосе.

Но упоминаний об эпосе в письменной литературе нет до конца XIX в., до первой записи, сделанной епископом Гарегином Срвандзтяном в 1874 г. Это тем более удивительно, что мы находим упоминание о Давиде и его жене, главных героях третьей ветви эпоса, в записях иностранных путешественников-португальцев. Записи сделаны в XVI в. Этот факт важен тем, что мы получаем фактическое подтверждение существования армянского эпоса минимум за триста лет до его первой записи. Вот вам загадка – или, если хотите, весьма своеобразное

подтверждение национальной особенности армянского эпоса. Не только былины, но и многие эпические произведения фольклора проникали в литературу еще до их первых записей. История каждого народа по-своему преломлялась не только в эпических текстах, но и в их внешней истории – истории возникновения, развития, «встречи» с письменной культурой и т. д. Русские былины и славянская письменность фактически «ровесники», зародились почти в одно время и развивались параллельно, сходясь и расходясь на своем историческом пути. А армянская письменность значительно старше «Давида Сасунского». Можно с большой долей вероятности предположить, что именно «взрослость» книжной культуры помешало ей обратить внимание на такого «младенца», как эпос. Это предположение исходит из того, что «Давид Сасунский» как целостное эпическое произведение сформировался в VIII-IX вв. Но если допустить, как некоторые армянские эпосоведы предлагают, что этот эпос имеет древнее происхождение, возникает другой вопрос – почему же литература заметила древние эпические сюжеты (Мовсес Хоренаци), современные им исторические сюжеты (Павлос Бузанд, Ован Мамиконян), а «Давид Сасунский» остался незамеченным вплоть до конца XIX в. Нет таких недоуменных вопросов в русском эпосоведении. В какой-то момент на ранней стадии существования былин они стали известны письменной культуре и после этого так или иначе отражались в разных «гисториях» и летописных памятниках. Таковы загадки развития национальных культур и национальных эпических традиций.

Композиция и структура

Следующий вопрос, возникающий при сопоставлении армянского эпоса и былин, вопрос об их композиции и структуре. Русские эпические песни в какой-то момент (в XIX в.) были названы былинами. Такое название имеет двойное содержание – оно подтверждает единство былин как национального эпоса, но, с другой стороны, подчеркивает дробность этого эпоса – он состоит из независимых былин. Я обостряю внимание на это опять же с точки зрения армянского эпоса. «Давид Сасунский» – единое произведение повествовательного фольклора. Оно строится по генеалогическому принципу – от основоположника Сасуна или сасунской семьи до его потомков – сына, внука и правнука. Каждому из них отведена отдельная ветвь, в итоге – четыре ветви. Впрочем, не во всех вариантах все четыре ветви присутствуют. Рассказывают об одном поколении, о двух или трех. Но везде присутствует идея истории семьи. Это – целостное повествование об истории Сасуна или сасунского государства. Значит, армянский эпос формировался именно как целостное произведение. Русские же былины возникли и продолжили свою жизнь именно как отдельные истории об эпических героях – Илье Муромце, Алеше Поповиче, Добрыне Никитиче и др., при том об этих героях тоже не целостные песни созданы. То есть, нет большой былины о жизни и подвигах Ильи Муромца, о других героях. Внутри каждого цикла ведется повествование об отдельных подвигах героев, и каждое такое повествование – отдельная былина. Это весьма любопытная структура национального эпоса, которая имеет свои параллели в славянских эпических песнях. Там тоже песни образуют циклы о подвигах Вука Кралевича и других героев.

Армянский эпос со стороны структуры имеет свои аналоги в киргизском и других азиатских эпосах – там тоже рассказывается о нескольких поколениях героев, принадлежащих к одной семье, и там тоже в центре каждой части стоит один герой. То есть, в мировом эпическом наследии присутствуют два типа национальных эпосов – как собрание взаимосвязанных, но все-таки самостоятельных песен (былины и южнославянские песни), и как целостные произведения, посвященные трем-четырем поколениям героев, причем каждое поколение представлено именно одним, главным героем. В русских былинах мы имеем группу героев, художественно равноценных и не связанных родственными связями. Их сюжеты не составляют единую историю – былины тоже равноценны, как и их герои (мы здесь обходим вопрос степени совершенства каждой из былин). Эти размышления заставляют нас вспомнить и другие эпические памятники, посвященные одному герою – романские эпосы «Песнь о моем Сиде» и «Песнь о Роланде». Это – другой тип эпического памятника, и его существование тоже подчеркивает необходимость изучения структуры и композиции других эпических памятников.

Но здесь неизбежно возникает вопрос – почему в национальных традициях существуют разные типы структуры эпических памятников. Чем объясняется единство «Давида Сасунского»

и «групповой» характер русского и южнославянского эпосов? Было бы самонадеянно дать однозначные ответы на этот вопрос. Для этого нужно привлечь и особенности национальной истории, и особенности национального повествовательного искусства, и многое другое. Но все-таки поразмышлять на эту тему приходится. Былины создавал молодой народ на заре истории своей государственности. Русское государство укреплялось и расширялось, даже татарское иго не повернуло вспять это движение. Ощущение истории у этого народа должно было сильно отличаться от ощущений армянского народа, который к моменту создания «Давида Сасунского» прошел огромный отрезок своей истории, начиная с создания первых государственных образований в VIII-VII вв. до рождения Христа, через длинный период государственной истории с подъемами и падениями до потери государственной независимости на многие века (начало V-IX вв.). Повлиял ли ход истории на мироощущение армян и русских? Здесь с уверенностью можно дать положительный ответ. И не это ли мироощущение отразилось в эпосах двух народов? Армянский эпос – это целостная, единая история с началом и концом – это результат влияния реального исторического опыта. Русские былины – песни о подвигах любимых героев, подтверждающих силу народа. Начало и конец истории еще не актуальные проблемы для эпического мироощущения русского народа. Поэтому песни об отдельных подвигах русских богатырей, которые не являются звеньями эпической истории, стали адекватной формой для русского эпоса.

Математически выверенные ответы в этом случае недоступны нам. Тут требуется скрупулезный анализ особенностей обоих эпических памятников, всегда имея в виду исторические события и их направленность. Мнения могут быть разные. Я в своей книге о поэтике армянского эпоса попытался нащупать реальную связь между историческим опытом армянского народа и сюжетом его эпоса. Именно историческим опытом, а не отдельными событиями. Связи между эпическими эпизодами и отдельными историческими событиями могут быть, но они скорее случайны, чем закономерны.

Содержательные параллели

Главные герои былин – не князья или цари. Они – дворяне или крестьяне, которые находятся в разных отношениях с Владимиром – киевским князем. Самый любимый герой былин Илья Муромец чаще недоволен князем и проявляет свое недовольство богатырскими действиями. В других случаях Илья выполняет приказы или поручения Владимира. В любом случае Владимир – реальный князь с реальной властью, неважно, как к нему относятся былинные герои. Имя связывает эпического князя с реальным действующим лицом русской истории – киевским князем Владимиром. Иначе в русском эпосе не могло бы быть. Формы государственности сохранялись во весь тот период, когда создавались былины. Исторические представления русского народа глубоко впитали в себя опыт взаимоотношений героев и князей – феодальных сюзеренов. Основная масса былинных сюжетов строится на этих взаимоотношениях.

Иную картину наблюдаем в армянском эпосе. С одной стороны, главные герои «Давида Сасунского» – Санасар, Мгер Великий, Давид, Мгер Младший – короли Сасуна. Но странные они короли. Их королевская «власть» проявляется только в периоды опасности, когда надо защищать Сасун. Притом в это время в их взаимоотношениях с подданными начисто отсутствует дворцовая торжественность, дворцовый этикет. Сам дворец как таковой отсутствует в армянском эпосе. Все свободное от войны время они такие же сасунцы, как все остальные жители Сасуна. Выполняют ту работу, которую им поручают. Беспрекословно подчиняются старшим, как требует патриархальная этика, старшие иногда ругают их, наказывают, а временами и пощечину дают. Так что можно сказать, что создатели эпоса не придают особого значения их королевским полномочиям. Все это второстепенно для них. В период зарождения «Давида Сасунского» реальных государственных институтов в Армении не было, армяне входили в состав государств-захватчиков. Армяне боролись против чужих королей, как Давид борется против Мсра Мелика – короля Египта (Мсыра), который хотел подчинить себе Армению. В этих условиях те социальные столкновения, которые в той или иной форме отразились в русском эпосе, в армянском сознании занимали иное, более второстепенное место. Взаимоотношения «король-простой человек» иногда просто перевернуты в армянском эпосе. В первой ветви есть такой эпизод. Санасар и Багдасар бежали в Армению, прихватив с собой группу простых крестьян, которые составили костяк сасунцев. По обычной логике эти крестьяне должны были построить Санасару и Багдасару жилище. Но было

наоборот. Новое поселение начали строить братья. Они посоветовались и решили сперва построить жилище этим крестьянам, а потом только себе. Вот такое непривычное патриархальное общество, где было больше равенства, чем в привычной феодальной иерархии.

При этом важно отметить, что в былинах богатыри отнюдь не являются примерными подданными князей. Они выполняют их поручения, просьбы, ищут для них невест, но всегда сохраняют внутреннюю независимость, достоинство. В этом отношении характерны особенно былины цикла Ильи Муромца. В одной из них (которую с блеском перевел на армянский язык Ованес Туманян) Илья жестоко наказывает Владимира и его дружину за неуважительное отношение к себе. Не надо искать в таких сюжетах проявлений классовой борьбы. Мы тут видим определенную модель феодальной иерархии и отношение народа к этой иерархии. Любимые герои презируют эту иерархию, но без нее создатели былин не могли себе представить жизнь общества. Это одно из самых ярких черт русского былинного эпоса, яркое проявление национального своеобразия эпического творчества русского народа.

Армянский эпос – эпос одного героя, т. е. в центре каждой ветви – один герой, который совершает свои подвиги один, без союзников, без войск (дружины в былинах) (ср. с констатацией Проппа: «Русский эпос знает не одного героя при различных именах, – русский эпос многогероен по существу, причем все главнейшие герои киевского цикла группируются вокруг центра – Киева, возглавляемого Владимиром» [3, с. 51]). Здесь необходимо уточнение – одного, но не одинокого героя. Во всех случаях герои армянского эпоса тесно связаны со своей общиной, с Сасуном, между ними и общиной нет никаких противоречий (впрочем, в четвертой ветви эпоса – «Мгер Младший» эти противоречия зарождаются), но действуют они одни. Главный враг Сасуна Мсра Мелик идет в поход на Сасун с огромным войском (во многих вариантах Мелик перечисляет тех, кого он собирает для нападения на Сасун, и их – десятки и сотни тысяч). Давид выходит против этого огромного воинства один. Он и не думает собрать себе войско, что-нибудь наподобие дружины былин. Русские же богатыри достаточно сильны и храбры, но когда они сражаются против иностранцев, рядом с ними всегда дружина, всегда побратимы. Многие из них собирают свою дружину чуть ли не с рождения. Вот, скажем, собирается Алеша Попович в первый свой поход: *И просил он себе у родного батюшки у того ли попа Ростовского себе дружинушку хорошую, Хорошую да хоробрую*. В этом отношении выделяется Илья Муромец, который часто действует как одинокий рыцарь. Но наверно не случайно в некоторых былинах и Илья Муромец нуждается в помощи друзей и долго добивается их поддержки («Илья Муромец и Калин-царь»). Не случайно он часто окружен другими богатырями – Алешой Поповичем и Добрыней Никитичем. Побратимство – важный элемент в жизни героев.

В целом, былины дают весьма разнообразную и колоритную картину русского быта времен создания былин. Не с такими подробностями, как, естественно, в романе. Но былины дают достаточно детальное и красочное представление о русской жизни средних веков. Как одевались герои, чем занимались в свободное от подвигов время (охота, прогулки по чисту полю, где и встречали врагов или побратимов, как сватались, женились, веселились), «почестен пир» в княжеском дворце и т. д. И «Давид Сасунский» дает яркие картины народной жизни, праздников, труда. Но это преимущественно крестьянский быт, несмотря на «королевский сан» главных героев, а в былинах обрисован быт и крестьян, и князя, и богатырей. Охват намного шире, что опять связано с национальными особенностями жизни двух народов. Былины – не дворянский эпос, но без сцен дворянской жизни они не могли обходиться. Князья, их дружины, бояре имели свое место, которое учитывалось во всех обстоятельствах. Все эти пиры во дворце Владимира – это неотъемлемая черта русской средневековой жизни. Они показывают центральную роль князя в обществе, но они же и показывают неукротимый дух и независимость былинных богатырей. Ничего такого нет в армянском эпосе и не может быть. Армянское дворянство в средние века, в период зарождения эпоса уже не играло той роли, которую дворянство играет в более благополучных странах. Герои армянского эпоса фактически крестьяне, для которых дворянский этикет не имеет никакого значения. Никаких пиров и почетных или опасных заданий князей здесь нет. Здесь занимаются земледелием, скотоводством, строительством. И находят себе достойных жен сами, причем их будущие жены пишут им любовные песни и предлагают им «руку и сердце».

В разговоре о героях нельзя обойти их связи с мифологической стариной. Вообще, проблема взаимоотношений мифа и эпоса достаточно сложна. Много диаметрально противоположных точек зрения. Но очевидно, что особенности эпосов во многом определяются значением мифологического элемента в образах героев. В армянском эпосе роль мифа очень значительна. Как уже было сказано, основоположник сасунского дома Санасар и его близнец Багдасар зачаты от двух горстей воды, которые выпила их мать Цовинар. Вообще вода играет значительную роль в жизни братьев и их потомков. Скажем, и Давид, и Мгер Старший перед решительным единоборством или сражением должны выпить воды Молочного источника, свою богатырскую саблю и богатырского коня Санасар достает с морского дна и т. д. Сам мотив близнецов – древний мифический мотив. Непорочное зачатие близнецов – весьма распространенный мотив в мифологии – от зачатия Богоматери до зачатия матери былинного героя Волха Всеславьевича (она забеременела от того, что змея обвилась вокруг ее ног). Но проблема здесь в том, что все мифологические мотивы в армянском эпосе последовательно переосмыслены, приспособлены к средневековым представлениям. Возьмем зачатие Цовинар. Она мучилась от жажды, попросила у бога воды, и перед ней забил ключ холодной чистой воды. Миф христианизируется. Цовинар вообще истинная христианка. Она добивается того, что будущий муж разрешает ей взять с собой в его дом христианского священника. Такие элементы можно проследить во всех мифологических элементах – они превращаются в проявление то патриотизма, то верности к моральным принципам, роль которых очень важна в армянском эпосе и т. д. Можно сказать, в армянском эпосе миф эпизируется.

Что же видим в былинах? Миф, естественно, присутствует и здесь. Уже упомянутая былина о Волхе Всеславьевиче – яркое подтверждение этой истины. Можно сказать, мифическое рождение героя – главное в этой былине (кстати, в этом сюжете многое напоминает древний армянский мотив рождения бога армянского языческого пантеона Ваагна. Проблема заслуживает отдельного рассмотрения, что выходит за пределы настоящей статьи). Все его деяния связаны с его мифическим рождением. Он превращается то в зверя, то в муравья, проникает во все уголки дворца противника, портит их оружие, узнает все тайны. Эта сказочная атмосфера не привычна для армянского эпоса. Но рождение героя заставляет вспоминать рождение братьев-близнецов в армянском эпосе. Однако таких «мифологических» былин мало. Мифологические элементы есть в других былинах, но не настолько подчеркнутые. Один из любимых мотивов былин – сражение героя со змеем («Алеша Попович и змей»). Не углубляясь в проблему возникновения и развития мотива, скажем только, что это – типичный пример эпизации мифического мотива. Алеша Попович – настоящий эпический герой, но он вынужден бороться с мифическим змеем. Эпизация мифических мотивов свойственна многим, возможно – всем эпическим памятникам. Вопрос в том, что в разных эпосах эпизация находится на разных уровнях и осуществлена по-разному. В «Давиде Сасунском» миф сильнее влияет на всю эпическую структуру. Как мы уже видели, генеалогия главных героев в своей основе мифологична. А в былинах чудесное рождение свойственно только Волху Всеславьевичу. С мифами связаны разные приключения и подвиги героев (Мгер Великий разорвал на две части льва, который закрыл дорогу Сасуна и обрек его на голод).

Здесь может быть только одно объяснение. Создававший эпос «Давид Сасунский» народ имел древнюю историю, и, соответственно, огромное мифологическое наследие, связанное с мифами других народов. Это наследие не могло так или иначе не влиять на мировоззрение народа и в средние века, когда формировался эпос. Поэтому мир «Давида Сасунского» более мифологичен, чем мир былин. Но в обоих памятниках миф эпизируется, входит в качестве элемента в мировоззрение народа, уже определенно средневековое.

Повествование

И, наконец, тип повествования в обоих эпосах. Они абсолютно разные. Былины поются. На этом основании В. Я. Пропп даже делает вывод, что пение – важнейшая черта эпического повествования [3, с. 7]. А между тем, армянский эпос – типичный пример немзыкального исполнения и немзыкальности эпоса. Слово в армянском эпосе – ритмичная проза, и разбивка на строки – скорее дань традиции, чем отражение реального свойства эпоса. С этим связан целый комплекс особенностей повествовательного слова в обоих памятниках. Слово в былинах соответствует общим правилам эпического повествования. Огромное количество эпических

повторений и постоянных эпитетов – важнейшее качество былин, которое бросается в глаза особенно на фоне «Давида Сасунского». Это придает особую торжественность былинам. В армянском же эпосе повествование куда более простое, слово имеет повседневный характер. Эпических повторов и формул и постоянных эпитетов почти нет. Здесь возникает вопрос – изначально все было так или в процессе тысячелетнего устного бытования эпическое слово постепенно лишилось классических черт эпического слова? Былины сохранили изначальные свойства, что их связывает со многими эпосами, в том числе и с античным эпосом. Может быть, тут имела значение та черта их истории, как сравнительно недолгая устная жизнь. Я думаю, важно и то, что возраст эпической традиции намного длиннее в Армении. Начало его теряется в древней истории и в доисторических временах. Можно предположить, что классическое музыкальное торжественное исполнение эпических текстов за это время исчерпало себя, и создавая новый эпос, народ постепенно отходил от этих традиций. Я подчеркиваю – постепенно, потому что в записанных текстах эпоса сохранились и песенные отрывки, что заставляет думать, что раньше, возможно, весь эпос пелся. Но это – только предположение. Ведь то немusicalное повествование, которое застали собиратели эпоса, никак не может считаться продуктом разрушения чего-то более совершенного. Это нечто вполне самоценное, соответствующее духу «Давида Сасунского». Так что мы имеем все основания говорить о двух самостоятельных и высокохудожественных способах исполнения. Это обстоятельство опять подводит нас к вопросу национальных особенностей эпосов.

Заключение

Из всего сказанного вытекает, что армянский эпос «Давид Сасунский» и русские былины отражают особенности истории и культуры двух народов. Это относится и к происхождению эпосов, и к их содержанию, и к способу повествования. С другой стороны, это сопоставление еще раз показывает, насколько продуктивным может быть сравнительное изучение эпических памятников разных народов.

Статья написана в рамках реализации научного проекта (Народно-эпическое творчество армянского и русского народов. Сопоставительное изучение эпосов народов мира), финансируемого Программой развития Российско-Армянского университета на 2014-2016 гг.

Литература

1. Бахтин М. М. Ответ на вопрос редакции «Нового мира» / М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 334-335.
2. Бахтин М. М. Собрание сочинений. – Т. 6. – М., 2002. – 431 с.
3. Пропп В. Я. Русский героический эпос. – М., 1999. – 636 с.
4. Մանուկ Աբեղյան, Երկեր, Ա, Հայկական ՄԱՀ ԳԱ հրատ., Երևան, 1966, էջ 380 / Манук Абебян. Сочинения. – Т. 1. – Изд. АН Арм. ССР. – 380 с. (на арм. яз.)
5. Литературный энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.
6. Azat Yeghiazaryan. Daredevils of Sasun: Poetics of an Epic. – USA: Mazda Publishers, 2008. – 270 p. (на англ. яз.).
7. Добрыня Никитич и Алеша Попович. – М.: Наука, 1974. – 350 с.

References

1. Bahtin M. M. Otvet na vopros redakcii «Novogo mira» / M. M. Bahtin, Jestetika slovesnogo tvorchestva. – M., 1979. – S. 334-335.
2. Bahtin M. M. Sobraenie sochinenij. – T. 6. – M., 2002. – 431 s.
3. Propp V. Ja. Russkij geroicheskij jepos. – M., 1999. – 636 s.
4. Մանուկ Աբեղյան, Երկեր, Ա, Հայկական ՄԱՀ ԳԱ հրատ., Երևան, 1966, էջ 380 / Manuk Abegjan. Sochinenija. – T. 1. – Izd. AN Arm. SSR. – 380 s. (na arm. jazyke).
5. Literaturnyj jenciklopedicheskiy slovar'. – M.: Sov. jenciklopedija, 1987. – 752 s.
6. Azat Yeghiazaryan. Daredevils of Sasun: Poetics of an Epic. – USA: Mazda Publishers, 2008. – 270 p. (na angl. jaz.).
7. Dobrynja Nikitich i Alesha Popovich. – M.: Nauka, 1974. – 350 s.